

УДК 947.084.31(571.63)

Позняк Т.З.

Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта

4–6 апреля 1920 г. во Владивостоке и в других городах и сёлах Приморской области произошли нападения японских войск на российские гарнизоны, в ходе которых было на некоторое время отстранено от власти Временное правительство – Приморская областная земская управа (далее ВП-ПОЗУ). Причины, ход и оценка этого вооружённого выступления проанализированы в работах советского и постсоветского времени. В монографии М. И. Светачева указывается, что правительство Японии и командование японских войск на русском Дальнем Востоке весьма негативно отнеслось к ВП-ПОЗУ, которое пришло к власти в результате переворота во Владивостоке в ночь с 30 на 31 января 1920 г. Создание земского правительства вызвало негодование японцев, а в дальнейшем по мере "советизации Приморья" и усиления влияния на "земско-эсеровских деятелей" со стороны "американской агентуры" и попыток "превратить их в орудие собственной политики" это негодование усиливалось [10, с. 223]. По мере того, как все большее количество союзных войск покидало пределы русского Дальнего Востока, Япония расширяла подготовку к выступлению. "Японская военщина использовала излюбленную тактику провокаций, выискивая предлог для вооружённого выступления". Им стал "николаевский инцидент" [5; 9, с. 59–60; 10, с. 326]. Выступление японцы приурочили к моменту завершения эвакуации американских войск из Владивостока. 2 апреля в 13 часов последний американский транспорт отбыл из Владивостока, а спустя 4 часа генерал Такаянаги направил ВП-ПОЗУ ультиматум с требованием предоставить японским войскам право пользоваться транспортом, складами, казармами, признать все соглашения, заключённые Японией с белогвардейской властью, запретить деятельность всех лиц и учреждений, выступавших против Японии. Стремясь избежать конфликта, правительство предложило обсудить эти требования в согласительной комиссии. В ходе переговоров состоялась выработка соглашения, приемлемого для обеих сторон, которое предполагалось подписать 5 апреля. Однако переговоры служили только средством усыпления бдительности правительства и обмана мирового общественного мнения. 4 апреля в 10 часов вечера японские войска во Владивостоке "внезапно, без всякого повода и предупреждения, открыли артиллерийский и пулемётный огонь по важнейшим пунктам, занимали правительственные здания и воинские склады, разоружали отряды милиции, арестовывали и расстреливали коммунистов. Подобные нападения произошли в Никольске-Уссурийском, Спасске, Хабаровске, где погибли и получили ранения более 5 тыс. чел. Едва началась провокация, как МИД и военное министерство Японии заявили, что их войска якобы неожиданно подверглись нападению со стороны русских и что они были "вынуждены" принять ответные меры. Но официальные японские заявления опровергались свидетельствами очевидцев. Главной целью выступления, по мнению М.И. Светачева, наряду с "территориальной экспансией" было стремление "произвести разгром большевистских организаций в Приморье, ликвидировать правительство земской управы, создать новое, более податливое правительство [10, с. 225–226]. В обобщающей монографии по истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке глава, посвящённая периоду 1920 г., написана М.И. Светачевым совместно с Б.И. Мухачевым, в ней в общих чертах, хотя в несколь-

© Позняк Т.З., 2019

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: tzpoznyak@mail.ru

ко смягчённом варианте, воспроизводятся изложенная выше оценка и ход японского выступления. Важными уточнениями служат указания на просчёты Военного совета ВП ПОЗУ и командования войсками области, которых предупреждали о готовящемся выступлении японцев, но они не только не подготовили войска, но и во время выступления Военный совет был растерян, от него и командующего войсками поступали разноречивые директивы. По данным этого издания, во время боев с японцами погибло до 7 тыс. бойцов революционной армии и мирных жителей [4, с. 369].

Автор не ставит перед собой задачи анализа вооружённого конфликта, цель статьи – проанализировать стратегии поведения жителей города в условиях насилия со стороны японских военных и вооружённых боев на городских улицах. Основным источником исследования выступает доклад Комиссии по выяснению обстоятельств событий 4–6 апреля 1920 г. в г. Владивостоке для ВПДВ ПОЗУ (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 204)¹. Её материалы хранятся также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-4592. Оп. 1. Д. 13)². Документ представляет собой материалы опросов очевидцев и участников событий с русской стороны, а также предствителей союзнических войск и иностранных граждан, жителей города и области. Несмотря на частичную публикацию документа [1] и наличие обширной историографии, повседневная жизнь города и модели поведения горожан во время вооружённого конфликта до сих пор не были предметом исследования.

Анализ показаний очевидцев позволяет сделать вывод о выступлении японцев 4–6 апреля 1920 г. как заранее спланированном и подготовленном. Об этом свидетельствовали и наделённые высокими полномочиями лица, и командиры отдельных частей, и разведывательное отделение, и обычные жители города. Эти факты были столь многочисленными и красноречивыми, что любой горожанин мог сделать выводы о готовящемся выступлении, не говоря уже об опытных военных (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 10–15). К этим свидетельствам – поскольку все они собраны постфактум – необходимо относиться осторожно. Когда событие свершилось, кажется, что все его прозорливо предвидели, но было ли оно столь же очевидно до его свершения? Население города к этому времени пережило уже не один вооружённый конфликт, и каждый раз, несмотря на ожидание переворота, судя по воспоминаниям очевидцев постфактум, сам переворот почему-то всегда оказывался неожиданным для действующей власти.

Постфактум все приводили множество сведений "угрожающего, в смысле возможности японского выступления, значения": занятие 3-го апреля японскими военными властями радиостанции морского ведомства на Русском острове и недопущение туда русских телеграфистов, многочисленные приходы в порт в феврале и марте японских транспортов с войсками и снаряжением, отказ японцев в выдаче оружия русским войскам из русских складов, занятие японцами фактически всех высот, фортов и батарей крепости в городе и на его окраинах, сосредоточение японцев в районе тех укреплений крепости, удержание которых обеспечивало им обладание железной дорогой, укреплении японцами своих казарм, установка пулемётов и баррикад из мешков с землёй, проводка военного телефона с 6-го форта на 2-ю Речку по столбам военно-телефонной сети, ежедневные разведки вокруг фортов "цельми отрядами и по одиночке", постоянные манёвры и учебные занятия в разных частях города – на Первой и Второй речке, ст. Океанской и Седанке, возле Покровского кладбища, на Крестовой горе на мысе Эгершельд, Тигровой, Посьетской и Корейской улицах и в других местах (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–2, 5–6). Накануне выступления, 2–3 апреля в городе были выставлены усиленные японские патрули, на некоторые улицы русские граждане совсем не пропускались, в верхних этажах частных домов в центре города были выставлены пулемёты, имели место задержания граждан и автомобилей и обыск их (Фото 1) (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 2, 15). Все показания руководителей Военного совета свидетельствуют о полном осознании ими, что японцы готовили выступление. Однако никто из них не объяснил, почему не

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

² ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Фото 1. Японские патрули на городских улицах были привычным явлением в годы гражданской войны. На фото японский патруль у здания железнодорожного вокзала во время посещения вокзала генералом Оой после Гайдовского мятежа. Фото М. Хаскелла, 1919 г.
Источник: [2].

было принято адекватных мер для предотвращения разгрома революционных войск, а все только выражали надежду, что работа согласительной комиссии и добровольная сдача оружия поможет избежать столкновения или спасти войска.

В условиях открытой подготовки японцев к выступлению, очевидной рядовым солдатам и офицерам, и бездействия политического и военного руководства русскими войсками психологическое состояние рядового состава было очень тяжёлым (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 5–6). Целых два месяца город находился в напряжённом ожидании, и жители города, и военные наблюдали подготовку японцев и бездействие русских властей. Японцы проводили свои манёвры и "лазали по сопкам на виду у населения", в городе распространялись многочисленные сплетни и слухи, "в народе" росло ожидание неминуемого переворота (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 8).

Начало выступления в литературе относят к позднему вечеру 4 апреля 1920 г. Однако очевидным предвестником и первым актом драмы, на который русские власти в силу несогласованности действий и позиций политического и военного руководства войск не обратили внимание, стало разъединение и запрет двигаться бронепоезду "Единение России", стоявшему на станции Владивосток, ещё в середине дня 4 апреля. "Командир бронепоезда ещё днём донёс об этом, но донёс не по команде, а Военному Совету, который, видимо, не обратил на его донесение внимание" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 43). И даже несмотря на такие очевидные предвестники выступления, оно застало руководство российских войск врасплох. Уполномоченный Военного совета при командующем войсками П. С. Парфёнов, "один из немногих, по его словам, не веривший чистоте японских официальных заявлений", тем не менее "более или менее спокойно" после заседания согласительной комиссии вечером 4 апреля 1920 г., непосредственно накануне выступления японцев "отправился провести вечер в помещении Литературно-Художественного Общества" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 27–28).

Материалы комиссии позволяют представить жизнь города накануне выступления и действия военных и гражданского населения во время боев на городских улицах. Горожане, несмотря на витавшие в воздухе ожидания переворота, японские патрули на улицах и выставленные в окнах домов пулемёты,

в субботу (4 апреля 1920 г.), жили обычной вечерней жизнью: одни посещали театры, рестораны, буфеты, общественные мероприятия; другие, несмотря на позднее время, работали дома или в учреждениях, третьи возвращались домой со службы. В городе работали и были полны публикой рестораны, буфет на вокзале, синематограф, в театре шёл спектакль, в Литературном-Художественном обществе – литературный вечер. Для жителей настолько привычными стали вооружённые караулы у главных входов в гражданские и военные учреждения, военные патрули на улицах, что, когда японские патрули перекрыли часть центральных улиц города и выставили пулемёты в окнах зданий на всех перекрёстках Алеутской и Светланской улиц, горожане продолжали вести обычную жизнь, только отметили неудобство – необходимость делать крюк по соседним улицам, чтобы пройти в нужное место (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 15–16).

Поздним вечером 4 апреля железнодорожный вокзал ст. Владивосток функционировал в обычном режиме. В 22 часа, когда японцы начали захват вокзала, большинство служб работали, производился осмотр поездов перед отправлением, трудились составители поездов, осмотрщики вагонов, в конторе станции находилось много служащих, включая дежурного по станции – старшего по смене. На станции работало электрическое освещение в залах ожидания и в кабинетах служащих. В буфете I-II класса находилось много публики – военные русские и иностранные, гражданские жители, это не были люди, ожидавшие отправления или прибытия поездов, многие пришли выпить чаю, поесть, пообщаться с товарищами (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 45–47). Не только во всех воинских управлениях – коменданта крепости, штаба войск, на гауптвахте, но и в гражданских – в почтово-телеграфной конторе, земской управе – находились дежурные, немногочисленная охрана и часть, видимо дежурных, служащих. Ружейные и орудийные выстрелы застали лиц, находившихся в военных и гражданских учреждениях, врасплох (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 48–51, 64–66).

Основные боевые действия начались с захвата железнодорожной станции, гауптвахты, комендантского управления, штаба крепости и конвойной команды. Центр города – Алеутская и отходящие от неё на запад улицы уже с 9–10 часов вечера были заняты японскими патрулями; таким образом, западная часть города была целиком "очищена" от русских войск ранее полуночи (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 55). Действия японские военных по захвату всех значимых военных и гражданских объектов сопровождалось необоснованным насилием в отношении военных и гражданских жителей города. Кроме того, их действия явно носили характер мистификации – почти во всех захватах зданий была сделана попытка представить своё выступление как ответ на провокации с русской стороны.

Комендантское управление было занято в 10-м часу вечера, предложением стали якобы выстрелы со стороны управления по японским войскам. При занятии вокзала также использовался некий надуманный повод: японцы позднее сообщали о "каких-то десяти выстрелах, сделанных неизвестными, оставшимися непойманными ни японскими, ни русскими властями, русскими солдатами – по японскому гаражу при первой Японской Базе Снабжения, что против вокзала". Перед началом выступления японцев в здании вокзала по своим вполне мирным делам находилось немало гражданских и военных лиц. Вокзал был занят без единого выстрела, никакого сопротивления японцам оказано не было ни служащими, ни гражданскими лицами, ни военными (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 45–48). Большинство опрошенных очевидцев событий, занятых повседневными делами и не оказывавших вооружённого сопротивления японским солдатам, свидетельствовали, что подверглись угрозам оружием, избиениям, задержаниям. Очевидец Новиков показал: "Вечером 4-го апреля мы вместе с несколькими товарищами пили чай на вокзале около 9 часов вечера. В это время вошёл милиционер, который предупредил публику о занятии вокзала японцами и просил очистить зал от публики. При выходе из зала я увидел две роты японцев с офицерами, уже занимавшими вокзал. Увидя меня, японцы схватили за руку, сняли фуражку и хотели прострелить её в том месте, где находится красная звезда, затем приставив ко мне два револьвера, к моей голове, угрожали меня застрелить, но я никакого сопротивления им не оказывал. Потом сбили меня с ног, снова

стали угрожать револьвером и затем начали бить прикладами, а затем сказали, чтобы я уходил. По дороге, когда я уходил, я снова был избит, японскими офицерами (особенно) и солдатами" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 46–48).

Таким же образом, "без всякого вызова и сопротивления" со стороны русских войск, были заняты японцами и другие военные и гражданские объекты. Насилию подвергались все находившиеся в занимаемых японцами зданиях гражданские и военные лица, включая иностранцев. При занятии японцами здания Ольгинской земской управы во Владивостоке по Корейской ул. дом 19 в 11 часов ночи японский караул, вошедший в здание с главного входа, разоружил двух милиционеров, охранявших кассу, "при этом настойчиво требовал у милиционеров ключ от кассы несгораемого шкафа, угрожая револьвером милиционеру Кузьмук, который заявил, что ключа они не имеют... японский караул сорвал со здания Управы красный флаг и вывесил свой..". В здании был оставлен часовой, который никого из ночевавших в управе служащих не выпускал. В начале первого ночи японский караул явился вновь, арестовал четырёх служащих управы, отобрал деловые бумаги, все арестованные были оставлены на дворе под выстрелами начавшейся перестрелки, и лишь спустя часа 2–3 были препровождены на вокзал. Под утро явился ещё один японский патруль арестовал всех ночевавших в управе служащих с их семьями, женщинами и детьми, и отправил в помещение вокзала, откуда женщины с детьми были освобождены 5-го, а мужчины 6-го апреля (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 55–56).

Техник основной базы питания головных отрядов железной дороги бельгийский подданный Понсен описал, как происходил захват помещений базы, располагавшихся в доме торговой фирмы Кунст и Альберс (угол Корейской и Семеновской улиц): "Помещение было оцеплено японскими солдатами, которые в разных местах поставили несколько пулемётов и без предупреждения и объяснения причин открыли ружейный огонь. Пули попадали только в квартиры служащих фирмы "Кунст и Альберс", расположенные в том же здании. Ворвавшись в нижнее помещение, занятое крестьянами, съехавшимися из окрестных деревень на съезд, они выгнали их на улицу, связав в одну общую цепь за руки". Двух польских подданных японцы избили прикладами, выгнали на улицу и привязали к телеграфным столбам. "В другой части помещения они арестовали двенадцать человек безоружных солдат, поступив с ними также бесчеловечно, как и с остальными". Все помещения были подвергнуты полному разгрому и разграблению – взломаны двери, шкафы, денежный ящик, забраны деньги, разбросано и разграблено все казённое имущество и личные ценные вещи (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 81–82).

На явную направленность японского выступления против большевиков и революционных войск, предварительную психологическую обработку солдат указывали постоянные вопросы солдат и офицеров к арестованным лицам о принадлежности к большевикам, постоянный повтор на ломанном русском языке: "Колчак хорошо, большевик нехорошо", срыв красных флагов с захваченных зданий, их топтание, разрывание и вывешивание японских флагов. Очевидцы отмечали ненависть, которую вызвали у японцев звезды на фуражках, нарукавные нашивки в виде звёздочки и пр. (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 55–56). Подобные действия японцы совершали во время захвата помещений всех учреждений. Японские солдаты и офицеры угрожали оружием, требовали сдачи оружия, собирали делопроизводственные документы, требовали ключи от сейфов, арестовывали служащих, избивали их прикладами, руками и ногами, громили мебель, срывали замки со шкафов, стреляли внутри помещения в пол, потолок и стены. Их поведение носило бессмысленный характер – разгром мебели, бросание гранат внутри помещений, выстрелы в потолок и пол в уже захваченных помещениях. Главной целью было либо запугивание служащих, либо эти действия носили символический характер – демонстрация власти, либо переадресация накопленной агрессии на предметы обстановки. Некоторые очевидцы свидетельствовали, что японцы произвели впечатление пьяных (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 76–79).

Наиболее гротескным выглядит захват здания Областной земской управы в центре города, на углу улиц Светланской и Алеутской (Фото 2):

Фото 2. Здание Приморской областной земской управы после обстрела во время нападения японцев 4-6 апреля 1920 г. Источник: [6].

"Здание Управы, со времени принятия власти Земством, окарауливалось нарядом русских войск в числе 6–8 чел., из которых 1 стоял на улице, другой в вестибюле здания, а остальные помещались в караульной команде, находившейся на противоположном конце здания. Кроме курьеров, швейцара — с семьями, в здании Управы имеют квартиры несколько человек земских служащих. Никаких воинских сил, кроме караула, а равным образом никакого оружия в здании Управы не было. Около 1 ½ ночи к дверям парадного входа с Алеутской ул. подошла группа вооружённых японских солдат, стала стучать в двери и требовать пропуска в здание. Так как ни пароля, ни других установленных доказательств права на вход предъявлено не было, а криков на японском языке часовой не понимал, он ушёл в караульное помещение за начальником караула. В это время японские солдаты стали разбивать дверь, и послышались частные ружейные выстрелы снаружи здания. Когда караул по боковой лестнице поднялся из караульной команды во 2-й этаж на площадку лестницы, спускающейся в вестибюль, ворвался вооружённый японец. В этот момент один из караульных выстрелил и убил его. Переговорить по телефону с Командующим или Штабом оказалось невозможным, т.к. все телефоны Управы были кем-то выключены... Из окон на Алеутскую ул. было видно, что противоположный тротуар улицы был занят японскими войсками; японские солдаты держали винтовки, направив их к зданию управы. Выйти на улицу никто из караула и служащих не решался. ... Около 2 ч. ночи со стороны Центральной гостиницы и из других пунктов начался усиленный обстрел здания из пулемётов и орудий; возле здания почти не смолкали винтовочные выстрелы со стороны Алеутской и Светланской. Над виадуком стояли японские пулемёты, все время стрелявшие по направлению вокзала. Один орудийный выстрел, судя по направлению, был сделан с бухты, с места, где стоял японский крейсер "Хизен". Обстрел здания, почти без перерыва продолжался до 6 часов утра. Все служащие, их семьи, а также караул собрались в нижнем подвальном помещении, окна которого выходили во двор здания; в этой стороны пулемётного обстрела не было. Около 3 часов ночи караул, оставив в здании Управы винтовки и патроны, ушёл задним ходом через дверь в сторону железной дороги". Только около 6 часов утра, войдя во двор управы, японцы замети-

ли через окна подвального этажа скрывавшихся там служащих и приказали всем выходить во двор и закончили бессмысленный обстрел здания. Арестованные служащие земства с семьями и детьми были обысканы, допрошены и отправлены в штаб японского командования. Служащие и их семьи были днём отпущены на свободу (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 57–59).

Наибольшую жестокость японцы проявили в Корейской слободке. Утром в 4 часа 5 апреля слободку оцепили японские войска с пулемётами. Японские военные при полном отсутствии сопротивления со стороны корейцев проявляли необоснованное насилие: "Все время производилась стрельба из ружей в здания и убегающих людей. Сначала японцы подошли к помещению училища, где помещалась редакция корейской газеты "Ха-Нин-Шинг-Го", лютеранская молельня, 28-ое Городское училище, женская школа и воскресная школа. В школе находилась команда комендантской роты в числе около 50 человек, несущая охрану Корейской слободы. Их обезоружили и, связав руки, арестовали. ... При аресте солдат большей частью избивали прикладами. Когда их связанных вывели из школы, то заставили лечь на землю в грязь. К школе сводили арестованных в Слободке корейцев, а затем как солдат, так и арестованных в помещении районного комитета. При уходе школу подожгли. По словам корейцев, следивших издали, во время пожара неслись отчаянные человеческие крики. Всех арестованных, в числе 67 человек, корейцев и нескольких русских, увели в город по направлению к японскому штабу. Во время пожара школы там раздавались взрывы, и к месту пожара никого японцы не подпускали. Все имущество в здании школы сгорело. Обыскивая, японцы задерживали корейскую молодёжь, не предъявляя никаких требований, связывая и массажи уводили неизвестно куда. При обысках компрометирующего абсолютно ничего не находили. Без всякого повода со стороны граждан Слободки, японскими войсками был открыт ружейный огонь, во время которого погибло около 20 человек корейцев. Японские солдаты ограбили 2 корейские лавочки. Обыск продолжался до 8 час. утра. При допросе избивали незащищённых женщин, детей, стариков, стараясь этим путём узнать, где организаторы корейского движения...". Японцы возвращались в корейскую слободку ещё вечером 5 и днём 6 апреля, продолжая обыски и избиения (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 84–86).

Фактически единственной зоной небольшого сопротивления русских войск были казармы Сибирского флотского экипажа и части гарнизона в районе ст. Океанской, кроме того, была попытка организовать вывод войск, расквартированных на Чуркине и в районе Гнилого угла, из города. Однако во время отступления по дороге с ипподрома на Шкотово японцы обстреляли русские войска из артиллерии с занятых ими предварительно фортов на высотах. Несмотря на отсутствие сопротивления, раненые и убитые со стороны русских военных и гражданских лиц были везде, особенно много пострадало при захвате японцами областной тюрьмы, зданий Сибирского флотского экипажа, морского штаба флотского экипажа (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 67–73, 89–90).

Поскольку многие горожане с началом вооружённого выступления находились на городских улицах, они оказались в зоне обстрела, подвергались насилию, опасности быть ограбленными, убитыми. Солдаты "арестовывали людей, обыскивали, грабили, избивали, топили и убивали на улице без всякого повода и причины", врывались не только в военные, правительственные и общественные учреждения, но и в частные дома и квартиры. "Грабили, громили и уничтожали имущество, в каком-то диком остервенении" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 101).

Свидетельства очевидцев говорят о том, что большинство горожан в таких условиях вели себя адекватно – они стремились спастись, укрыться в подъездах домов, спрятаться в подвалах зданий, не оказывали сопротивления, подчинялись приказам, закрывались в своих домах и квартирах. Однако далеко не все вели себя осмотрительно, многие, несмотря на стрельбу на улицах города, пытались по обстреливаемым улицам пробраться домой, а утром на следующий день пошли на работу или по другим повседневным делам. Несмотря на высокий уровень преступности в городе, горожане не прекращали поздно возвращаться домой из развлекательных заведений или со службы, хотя походы по ночным улицам и в мирное время могли закончиться ограбле-

нием или убийством, а под обстрелом исход такого поведения мог быть ещё трагичнее.

Материалы комиссии содержат огромное количество свидетельств насильней японцев над мирными гражданами, приведём лишь некоторые. Врач В.А. Текферд возвращался около 1 часу ночи домой по Светланской улице и, "спасаясь от стрельбы, зашёл в подъезд дома Горват-Божечко, причём стоявший японский караул пропустил его. Он стал выжидать прекращения стрельбы, когда появились на выходящей на это крыльцо лестнице группа японских офицеров и солдат, человек 8–10. Попытка доктора объяснить своё присутствие здесь была прервана ударом в грудь прикладом ружья, произведённого одним из солдат, который затем нанёс ещё несколько ударов прикладом по ногам, по-видимому, с целью свалить". Затем доктор был отпущен и благополучно добрался домой, но несколько раз по дороге его останавливали японские патрули (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 101–102).

Ф.С. Морозов и С.А. Андреева рассказали, что в 12 ½ часа ночи, или немного позднее, они вышли из ресторана "Золотой Рог" и, направляясь домой и обходя места обстрела, пошли по Светланской улице в направлении Морского штаба, поднялись по Содомскому переулку, мимо Коммерческого училища, вышли на Нагорную улицу и пытались спуститься по Успенской, но сильный обстрел от японского гаража на Пушкинской, заставил пройти по Ботанической и спуститься по Ключевой, на квартиру своего знакомого, подвергшись ещё раз обстрелу с Алексеевской улицы (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 109).

И.И. Сердюков утром 5 апреля в начале шестого часа с товарищем пошёл на работу, и поскольку не было шлюпок, они двинулись пешком по направлению к Гнилому углу. На городских улицах японские солдаты стреляли по убегающим и проходившим русским; открыли огонь и по Сердюкову, он был ранен в спину. Сначала он упал, но затем поднявшись побежал по направлению к дому. Дома он лёг на постель; скоро пришли с обыском три японских солдата. Обыски были произведены не только в его доме, но и во всех других домах на м. Чуркина.

Слесарь Бурдовский, проживавший на 2-й Речке, утром 5 апреля с товарищем пошёл в ближайший лес набрать дров. Он показал комиссии: "...С дровами часам к 10 утра мы возвращались обратно. Не доходя примерно 200 саж. до казармы, мы увидели японского солдата, который появился позади нас, начал кричать "русские, русские" и махнул нам рукой, как бы требуя, чтобы мы остановились. Мы остановились, он снял винтовку с плеча и стал брать на прицел. Увидя это, мы бросили дрова и побежали по направлению к казарме. В это время японец начал стрелять, ранив меня в ногу. Японцы арестовали нас и повели к своему штабу, там нам стали угрожать штыками, били по щекам. В 8 часов вечера всем нам завязали глаза и заявили, что в два часа ночи нас расстреляют. В 11 часов ночи нам дали чаю, сахару и хлеба, а когда мы пошли, то опять завязали глаза. В таком положении держали нас до утра. Утром нас допрашивали о наших занятиях, после чего отпустили домой" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 103).

Японцы среди ночи вламывались в квартиры горожан, проводили обыски, угрожали оружием не только мужчинам, но и женщинам и малолетним детям. Гражданин М. В. Степанюк рассказал комиссии: "В мою квартиру, находящуюся против Областного Земства, по Алеутской ул. № 27, вошли 6 человек японских офицеров и солдат, все с револьверами в руках. В квартире в это время были только моя жена и 5-летний ребёнок. Все из вошедших сразу направили револьверы к голове жены в упор (никто из японцев по-русски не говорил), жена, потеряв сознание, стала полумёртвой у стены, а ребёнок бросился с криком к матери. В это время третий японец револьвер направил и на 5-летнего ребёнка, а остальные три японца вошли в спальню и кладовку. Что они там сделали и долго ли там шарили – ничего не известно. Известно лишь то, что они стреляли из револьвера" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 111–112).

На избиения и угрозы расстрелом большинство военных и гражданских лиц не отвечали, никакого сопротивления японским солдатам не оказывали. Однако так действовали далеко не все, часть подвергшихся насилию граждан, и, в первую очередь, иностранцев, заявляли о необоснованности насилия,

задавали вопросы, требовали освобождения, прекращения насилия. Часть горожан "под шумок" воспользовалась тем, что отряды красноармейцев и рабочих ушли из зданий временных железнодорожных мастерских на мысе Чуркин, и разграбила оставшееся без надзора оборудование, вещи, материалы, продовольствие: "...во время отсутствия командного и рядового состава и за неимением вооружения у оставшихся 6–8 солдат, жителями Чуркина, живущими вблизи расположения мастерской были разграблены вагон-цейхауз, вагон с провиантом, а также унесены из вагонов-теплушек стеллажи и прочая арматура, составляющая собственность железной дороги. На следующий день, утром 6-го апреля, были приняты меры к розыску разграбленного. Часть провианта и стеллажей найдены у жителей Чуркина" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 92).

Случай японского выступления не является уникальным в истории вооружённых боев на улицах Владивостока. Если перевороты случались с утра или в дневное время, бои приводили к приостановке работы магазинов, учреждений и развлекательных заведений. Во время восстания Гайды (16, 17 и 18 ноября 1919 г.) остановился трамвай, закрылись магазины, учащиеся отпустили по домам, но, несмотря на панику из-за начавшейся стрельбы, по улицам "шталось много любопытных, а также любителей лёгкой наживы, рассчитывавших на возможность погрома", были случайные раненые прохожие, время обстрелов из орудий и пулемётов были случайные попадания пуль в гостиницу "Париж", Русско-азиатский банк, таможню и русское бюро печати [3].

Перевороты вносили в жизнь города экстремальную деструкцию – оружейная и ружейная стрельба, кровопролитие, человеческие жертвы и угроза жизни как военным, так и гражданскому населению, однако множество фактов свидетельствует, что в годы гражданской войны у населения в условиях почти ежегодных и даже несколько раз в год переворотов и "недоворотов" образовалась привычка к ним. Полковник К.Н. Хартлинг, описывая восстание Особого батальона егерей, составившего личный конвой генерала С.Н. Розанова, и его подавление 1-м батальоном Учебной инструкторской школы в январе 1920 г., запечатлел примеры различного отношения гражданских лиц к боевым действиям. Одни выходили к военным и требовали дать гарантии, что их дома не пострадают во время стрельбы, другие продолжали спокойно передвигаться по городским улицам, несмотря на явные приготовления к оружейной стрельбе. Описанное им событие происходило во Владивостоке утром 26 января 1920 г. на Суйфунской горе, откуда военные собирались вести стрельбу. Он пишет: "Как только орудие было втянуто на Комаровскую улицу, я приказал портупей-юнкеру Михаилу Балышеву встать на перекрёстке Суйфунской и Комаровской улиц и никого из прохожих не пропускать вниз по Суйфунской, так как через несколько минут над этой улицей должны были пролетать снаряды, и она могла оказаться под пулемётным огнём Розановских Егерей. Балышев остановил двух старушек, заявив, что сейчас начнётся стрельба. Старушек это как-то совсем не удивило, и одна только спросила: "Как, опять "переворачиваетесь"?". А другая добавила: "Ну, ну, переворачивайтесь!", и обе своротили на Комаровскую улицу. Подобное безразлично-беспечное отношение к переворотам жителей Владивостока объясняется тем, что из-за присутствия интервентов Владивосток не знал особенно кровавых переворотов, а обыватель привык к тому, что время от времени нужно было "переворачиваться" [2, с. 268–270: 11, с. 111–112].

Подобные стратегии поведения горожан в ходе боевых действий на городских улицах отчасти можно объяснить привычкой к переворотам, отчасти, вероятно, безразличием к смерти. Б. Иситт приводит воспоминания одного из военнослужащих канадского экспедиционного корпуса: "... Элкингтон вспоминал, как однажды гуляя по Светланской, увидел, что среди бела дня грабят банк. Бандит выбежал на улицу, и его тут же застрелил жандарм. "Его тело свалили вместе с другими трупами в огромной комнате, заполненной смёрзшимися трупами. Хоронить их было негде. Сотни мёртвых тел". Иногда канадские солдаты проявляли болезненный интерес и ходили в так называемый "морг", устроенный в полуразрушенном сарае на сопке, где "мёртвые валялись прямо на полу" [7, с. 252].

Фото 3. Военные и гражданские жители около тел убитых во время Гайдовского выступления.
 Фото М. Хаскелла, 1919 г.
 Источник: [2].

Фотографии гражданской войны, сделанные на фоне мёртвых тел, также можно трактовать и как привычку населения к смерти, и как символическое выражение победы над поверженными врагами (*Фото 3*). После восстания Гайды журналисты писали о трансформации психического состояния современников: "Нужно было видеть до болезненности острое любопытство толпы к жутким картинам недавней перестрелки, чтобы понять охватившую её психологию страха и непреодолимого влечения к крови". Никого не трогало падение Омска, положение на фронте, в городе господствовали только слухи о выступлении прошедшем и грядущем. "Передаются из уст в уста версии, объясняются цели и причины, фантазия рисует самые смелые и подчас совершенно нелепые государственные перспективы. Но откуда эти нервные слухи? Это отголоски негодования тех, кто был легковерно обманут и потерпел поражение, с другой – "трусный психоз обывательского любопытства, ибо нет ничего сладостно-мучительнее, как смотреть в открытое лицо смерти" [8]. О равнодушном отношении к смерти, вероятно, может свидетельствовать и тон показаний очевидцев японского выступления. Несмотря на угрозу жизни, леденящие душу зверства японцев и ужас пережитого, их показания звучат довольно буднично. Насилие стало рядовым явлением в годы войны не только во время переворотов. Высочайший уровень преступности, насилие военных и гражданских властей в решении "квартирного вопроса", реквизиции, уплотнения, угроза голода превратили повседневную жизнь горожан в непрерывную борьбу за существование.

Таким образом, действия японских интервентов во время нападения на российский гарнизон 4–6 апреля 1920 г. отличали подготовка, попытка представить своё выступление как ответ на провокацию со стороны русских войск, необоснованное насилие. Действия японских интервентов: обстрелы зданий снаружи и внутри, стрельба по стенам, потолкам и окнам, разрушение мебели – представляют собой безумный акт вандализма, бессмысленный с рациональной точки зрения. Они носили, видимо, символический

смысл – демонстрацию своей власти и своих возможностей, уничтожение всего "большевистского". Стратегии поведения горожан включали как вполне естественные при вооружённом насилии действия – попытки спрятаться в подвалах, подъездах домов, не оказывать сопротивление, подчиняться требованиям военных, так и экстремальные – походы по городским улицам под обстрелом и при угрозе насилия, попытки оказать сопротивление военным, защитить свои права. Отдельные факты свидетельствуют о выработке у горожан привычки к переворотам, к опасности, болезненный интерес к смерти. Насилие в годы гражданской войны стало привычным явлением, во время вооружённых боев на городских улицах многие горожане вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения, продолжали жить обычной жизнью, выходили из домов по своим делам или вовсе оказывались на улице из любопытства или желания поучаствовать в погромах.

Литература

1. 4-5 апреля 1920 года. Сборник документов. Хабаровск: Дальгиз, 1937. 87 с.
2. Анча Д.А., Калинин В.И., Позняк Т.З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920. Хабаровск, 2009. 324 с.
3. Восстание Гайды // Дальний Восток. 1919. 20 ноября.
4. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. 632 с.
5. Емельянов К.А. Люди в аду. (К 20-летию гибели Николаевска-на-Амуре с предисловием Я.Ловича). Пер. с англ. Э.М. Люри-Визвелл. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004. 338 с.
6. Здания, которые мы потеряли: земская управа Владивостока. [Электронный ресурс]. URL: <https://yaromirr.livejournal.com/3198.html> (дата обращения: 4.11.2018)
7. Иситт Б. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция: 1917–1919 гг. Пер. с англ. С.Панич. Владивосток: Дальнаука, 2013. 392 с.
8. Карамазов И. О чем говорят // Дальний Восток. 1919. 27 ноября.
9. Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950 – середины 1980-х годов. Иркутск, 1991. 144 с.
10. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983. 334 с.
11. Хартлинг К.Н. На страже Родины. События во Владивостоке. Конец 1919 – начало 1920 г. Шанхай, 1935. 159 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. 4-5 aprelyya 1920 goda. Sbornik dokumentov. Khabarovsk: Dal'giz, 1937. 87 s.
2. Ancha D.A., Kalinin V.I., Poznyak T.Z. Vladivostok v fotografiyakh Merrilla KHaskella. 11 avgusta 1919 – 23 fevralya 1920. Khabarovsk, 2009. 324 s.
3. Vosstanie Gajdy // Dal'nij Vostok. 1919. 20 noyabrya.
4. Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsij 1917 goda i grazhdanskoj vojny. Vladivostok, 2003. 632 s.
5. Emel'yanov K.A. Lyudi v adu. (K 20-letiyu gibeli Nikolaevska-na-Amure s predisloviem YA.Lovicha). Per. s angl. EH.M. Lyuri-Vizvell. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2004. 338 s.
6. Zdaniya, kotorye my poteryali: zemskaya uprava Vladivostoka. [EHlektronnyj resurs]. URL: [khttps://yaromirr.livejournal.com/3198.khtml](https://yaromirr.livejournal.com/3198.khtml) (data obrashheniya: 4.11.2018)
7. Isitt B. Iz Viktorii vo Vladivostok: Kanadskaya Sibirskaya ehkspeditsiya: 1917–1919 gg. Per. s angl. S.Panich. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 392 s.
8. Karamazov I. O chem govoryat // Dal'nij Vostok. 1919. 27 noyabrya.
9. Naumov I.V. Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke v sovetskoj istoriografii serediny 1950 – serediny 1980-kh godov. Irkutsk, 1991. 144 s.
10. Svetachev M.I. Imperialisticheskaya interventsiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.). Novosibirsk, 1983. 334 s.
11. KHartling K.N. Na strazhe Rodiny. Sobytiya vo Vladivostoke. Konets 1919 – nachalo 1920 g. SHankhaj, 1935. 159 s.

Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта.

В статье анализируются стратегии поведения японских интервентов, российских военных и гражданских жителей Владивостока во время вооружённого конфликта – японского выступления 4–6 апреля 1920 г. Действия японских военных характеризовали скрупулёзная подготовка, попытка представить свои атаки как ответ на провокацию со стороны русских войск, необоснованное и бессмысленное насилие. Стратегии поведения горожан включали действия как вполне естественные при вооружённом насилии – попытки спрятаться в подвалах, подъездах домов, не оказывать сопротивление, подчиняться требованиям военных, так и экстремальные – походы по городским улицам под обстрелом, занятие обычными повседневными делами, попытки оказать сопротивление военным, защитить свои права, устроить погромы и грабежи. Современники свидетельствуют о выработке у горожан привычки к переворотам, к опасности, к насилию, болезненный интерес к смерти.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, Владивосток, повседневная жизнь, насилие, японская интервенция, вооружённый конфликт*

Poznyak T.Z. Actions of the Japanese interventionists in Vladivostok on April 4-6, 1920: violence and strategies of behavior of the population during an armed conflict.

The article is devoted to strategies of behavior of the Japanese invaders, the Russian military and civilian residents of Vladivostok during the armed conflict – Japanese riots 4-6 April 1920. The Japanese military action is characterized by the planning, preparation, attempt to present their attacks as a response to provocation by Russian troops, unreasonable and senseless violence. Strategies of behavior of citizens included as fully natural at the armed violence of action attempts to be hidden in basements, entrances of houses, not offer resistance, submit to the requirements of soldiery, so extreme hikes on municipal streets under a fire and at the threat of violence, engaging in everyday affairs, attempts to offer resistance military, to protect the rights, arrange massacres and robberies.

Key words: *Civil War in Russia, Vladivostok, history of everyday life, violence, Japanese intervention, armed conflict*

Для цитирования: Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 15–26. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/15-26

For citation: Poznyak T.Z. Actions of the Japanese interventionists in Vladivostok on April 4-6, 1920: violence and strategies of behavior of the population during an armed conflict // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 15–26. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/15-26

